

А. В. Луценко

ОСОБЕННОСТИ МИРОВОСПРИЯТИЯ А. А. БОГДАНОВА И Н. А. БЕРДЯЕВА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ФОРМИРОВАНИЮ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ

Характеризуются психологические и неврологические аспекты формирования философского мировоззрения материалиста-систематика А. А. Богданова и экзистенциалиста-мистика Н. А. Бердяева. Отмечается наличие устойчивой взаимосвязи между строением и функционированием мозга, с одной стороны, и особенностями мировосприятия, определяющими характер философского и научного мышления, с другой стороны. Оцениваются причины и характер несовместимости «левополушарного» рационально-логического и «правополушарного» эмоционально-образного типов мышления.

Ключевые слова: *рационализм, иррационализм, психология, физиология мозга, структуры сознания.*

Жизнь современных людей многогранна и дает самую разнообразную пищу для размышлений и исследований. Человек, осмысляющий закономерности бытия и мышления, во все времена пытался понять значение новых идей, привнесших перемены в жизнь общества. Однако в ситуации всеобщности интереса к этой теме позиции имеющих свое мнение порой полярно расходились в соответствии с английской пословицей: «So many men, so many minds» («Сколько людей, столько умов». – А. Л.). Расхождение в убеждениях бывало особенно заметно во время смены эпох, когда сама жизнь порождала идеи куда более революционные, чем это оказывалось по плечу реформаторам, которые возглавляли борьбу против устаревших норм, препятствовавших развитию общества. В возникших обстоятельствах далеко не всеми понималось то, что осмысление народившихся явлений только на первый взгляд было делом несложным. В реальности, чтобы помочь людям осознать необходимость вырваться из плена традиционных представлений и привычек, духовным лидерам требовалось обладать исключительно ярким умом – и не факт, что при этом талант будет заслуженно удостоен лаврового венка признанного властителя дум, а не тернового венца отвергнутого еретика. Хотя для порождения нового мировоззрения в обществе неважно, проявлялась гениальность новатора благодаря интуиции сверхчувственного восприятия или с помощью строгой логики рационального научного мышления, – значение имел только результат, адекватный новому состоянию общества.

В этом смысле особо показательна судьба двух мыслителей начала XX в. – А. А. Богданова и Н. А. Бердяева, жизненные пути которых пересеклись в тихой северной провинции, в Вологде, где оба отбывали ссылку, когда после ареста и суда были признаны политическими преступниками. Бердяев к тому времени уже готов был перейти на позиции философа-идеалиста и даже публиковал в печати статьи соответствующего содержания, а Богданов после выхода в свет «Краткого курса эко-

номической науки» (1897) и еще двух объемистых философских работ занялся в ссылке изучением истории идеологий разных времен и народов, совмещая это дело со службой в лечебнице, чтобы заработать средства на жизнь исполнением обязанностей дипломированного врача-психоневролога. И Богданов, и Бердяев участвовали в полемических схождениях сообщества ссыльных.

Однако речь пойдет не о философских спорах, а о тех «курьезных отношениях» [1, с. 118], которые возникли между сосланными мыслителями в ходе встреч с глазу на глаз. Николаю Александровичу визиты Богданова первоначально представлялись продолжением научных споров между двумя полемическими оппонентами. Однако вскоре Бердяев обнаружил странный интерес Богданова отнюдь не к философской проблематике: «Я заметил, что он мне систематически задает непонятные вопросы, как я себя чувствую по утрам, каков сон, какова моя реакция на то или иное, и тому подобное» [1, с. 118]. Николаю Александровичу был бы понятен интерес к его раздражавшей многих надменности в отношениях с вологодским окружением, поскольку, по его собственному признанию, он так и «не вышел окончательно из положения человека, принадлежащего к привилегированному, аристократическому миру» [1, с. 16]. Высокомерием отпрыска прославленного дворянского рода объяснял сам Бердяев также и инцидент, наделавший поначалу много шума. Дело в том, что в Вологде произошло неслыханное: поднадзорный Н. А. Бердяев со словами «Завтра вы будете уволены в отставку» «побил палкой чиновника Губернского правления за то, что тот преследовал на улице <...> барышню» [1, с. 15–16]. Поскольку драчун был родственником самого губернатора [1, с. 119], то жандармское начальство переполошилось, крайне обеспокоенное тем, как замять происшествие, чтобы выпутаться из щекотливого положения. Забыть о событии, нарушившем привычный ход жизни в провинциальной глухомани, помогла ссыльная интеллигенция, знавшая с детства о дворянском этикете,

который предписывал воспитанному человеку «не замечать» неловких поступков другого: на неадекватной реакции Бердяева в колонии вологодских ссыльных стремились не заострять внимания.

Пожалуй, лишь специалисту-психиатру инцидент послужил сигналом о неполадках в здоровье Николая Александровича. Надо сказать, Богданов еще во время полемических дискуссий заметил некоторые особенности в поведении Бердяева. Речь здесь вовсе не о его надменности, упомянутой выше, а о тех произвольных подергиваниях мышц, о тех спонтанно возникавших гримасах, особенно заметных в момент накала страстей во время философских споров. Эти симптомы говорили врачу-психоневрологу о такой патологии, как *малая хорей* – заболевании вторичном, возникающем в виде осложнения на нервную систему после перенесенного ревматизма и вполне поддающемся своевременно начатому лечению [2]. Однако происшествие с избиванием чиновника могло свидетельствовать о наличии более сложной формы хорей – *врожденной*: это наследственно-дегенеративное заболевание, характеризующееся хроническим прогрессирующим течением, особенно в неблагоприятных условиях, и имеющее тенденцию к снижению умственной деятельности [2]. Так что озабоченность специалиста по поводу здоровья Н. А. Бердяева была более чем обоснованной: ответы на «непонятные вопросы» понадобились доктору для уточнения диагноза, поскольку только квалифицированное лечение, соответствующее характеру заболевания, могло поддержать работоспособность пораженного мозга. Заподозрить Богданова в корыстном использовании ситуации – нелепость: не та репутация и не те моральные качества [3, с. 435–436; 4]. Кроме того, ни для кого в колонии ссыльных, в том числе и для самого Бердяева, не было секретом, что Богданов при всех своих расхождениях во взглядах с Николаем Александровичем относил этого своего оппонента к числу самых блестящих полемистов.

Имеет свое объяснение и разговор по философским вопросам. Дело в том, что Александр Александрович, скрупулезно изучавший во время вологодской ссылки проблему формирования и функционирования человеческого сознания, заметил уникальную особенность мыслительного процесса Бердяева, который, отталкиваясь от чужой идеи, даже не пытался обращаться к логической абстракции, чтобы обосновать свои выводы. Для Богданова в те годы постижение смысла этого явления было равнозначно ответу на давно беспокоивший его вопрос: *каким образом эксцикативная пропаганда при опоре на единичный, причем не самый возмутительный, пример злоупотреблений властью порождает стихийный массовый протест*

против всей системы управления? И ответ на этот вопрос, возможно, крылся в исключительности механики мозговой деятельности, наблюдаемой Богдановым у философа-идеалиста, который из ассоциативного ряда представлений о реальном предмете или событии феноменальным образом приходил к умозаключению, минуя процесс логического анализа, позволявшего отделить главное от второстепенного. При этом вывод нередко отличался оригинальностью и был по сути своей явно очевиден для самого Бердяева, но не для слушателей, а *доказывать* свою точку зрения он обычно даже не пытался, придерживаясь позиции древних мудрецов: «*Dixi. Sapienti sat*» («Я сказал. Разумному достаточно»). – А. Л.).

Внимание к своей персоне Бердяев всегда воспринимал настороженно, замыкался в себе или, напротив, «на все вибрировал» [1, с. 34]. А тут и вовсе вышел из себя. Богданов о стычке ни разу не обмолвился, а Бердяев лишь в конце жизни попытался оправдать себя, списав конфликт на «маниакальность» Богданова [1, с. 119]. Николай Александрович в «Самопознании» писал: «Доктор Богданов был очень хороший человек, очень искренний и беззаветно преданный идее, но по типу своему совершенно мне чуждый <...>, склонность к идеализму и метафизике он считает признаком начинающегося психического расстройства, и он хотел определить, как далеко это у меня зашло» [1, с. 118].

Однако факты говорят, что на самом деле Александр Александрович искренне стремился *профессионально помочь* явно нездоровому человеку избежать участи одного из трех сотен пациентов Кувшиновской психиатрической лечебницы, обратившихся к врачу слишком поздно, когда груз их моральных переживаний в отрыве от близких уже превысил возможности «нервно-психического аппарата», а болезнь, долго не воспринимаемая ни пациентом, ни окружением, неизбежно вела к необратимой утрате душевного равновесия и выходу за рамки сознательного контроля личности за своими действиями. В связи с этим Александр Александрович организовал в колонии ссыльных профилактическую помощь, и многие обращались к услугам доктора Богданова [3, с. 435–436, 479–482, 488; 4; 5]. Лишь Н. А. Бердяев, имевший более чем веские основания для диспансерного наблюдения, отнесся без внимания к этому полезному начинанию. Одной из причин его индифферентизма было, скорее всего, ощущение праздника личной эмансипации, немислимой ранее и обретенной им лишь в ссылке. «В Вологде я чувствовал себя очень свободно, – писал он в конце жизни о том времени, – в некоторых отношениях свободнее, чем в Киеве <...>. Я сумел завоевать себе независимость»

[1, с. 120]. Но без знания анамнеза уберечь его от назревавшей катастрофы было бы невозможно, и этот закономерный интерес Богданова к вопросам, возвращавшим Николая Александровича в мир реальных проблем – «этой нелюбимой действительности» [1, с. 39–40], Бердяев воспринял как покушение на свободу, которая, по его словам, «есть аргіогі моей жизни» [1, с. 52]. Вследствие этого его скрытность, как обычно бывало в похожих случаях, вступила в силу: в вологодской ссылке он *не захотел* посвящать доктора в спрятанные от посторонних глаз причины внутреннего трагизма своей жизни. Лишь незадолго до смерти Бердяев открылся миру.

Да, он серьезно болен с детства: «Совсем маленьким я год пролежал в кровати, у меня была ревматическая горячка» [1, с. 25]; «товарищи иногда насмехались над моими нервными движениями хореического характера, присущими мне с детства» [1, с. 20]. *Да, у него тяжелая наследственность:* «Мать часто говорила, что Бердяевы не совсем нормальны» [1, с. 25]; «я принадлежу к расе людей чрезвычайно вспыльчивых, склонных к вспышкам гнева. Отец мой очень добрый человек, но необыкновенно вспыльчивый, и на этой почве у него было много столкновений и ссор в жизни. Брат мой был человек исключительной доброты, но одержимый настоящими припадками бешенства. Я получил по наследству вспыльчивый, гневливый темперамент <...>. Мальчиком мне приходилось бить стулом по голове» [1, с. 15]; «отца всегда пугало, когда я делался белым, как полотно, от припадков вспыльчивости» [1, с. 26]; «у меня были не только внешние припадки гнева, но я иногда горел от гнева, оставаясь один в комнате и в воображении представляя себе врага» [1, с. 34]; «с детства я жил в своем особом мире, никогда не сливался с миром окружающим, который мне всегда казался не моим. У меня было острое чувство своей особенности, непохожести на других <...>. Это чувство особенности не следует смешивать с сомнением. Человек огромного сомнения может себя чувствовать слитым с окружающим миром, быть очень социализированным и иметь уверенность, что в этом мире, совсем ему не чуждом, он может играть большую роль и занимать высокое положение. У меня же было чувство непригодности, отсутствие способностей, связанных с ролью в мире» [1, с. 27]; «учился я всегда посредственно и всегда чувствовал себя малоспособным учеником. Одно время у меня был домашний репетитор. Однажды он пришел к отцу и сказал, что ему трудно заниматься с таким неспособным учеником. В то время я уже много читал и рано задумывался над смыслом жизни. Но я никогда не мог решить ни одной математической задачи, не мог выучить

четырёх строк стихотворения, не мог написать страницы диктовки, не сделав ряд ошибок» [1, с. 20].

Да, он всегда нестандартно мыслит: «Мои способности обнаруживались лишь тогда, когда умственный процесс шел от меня, когда я был в активном и творческом состоянии, и я не мог обнаружить способностей, когда нужно было пассивное усвоение и запоминание, когда процесс шел извне ко мне. Я, в сущности, никогда не мог <...> поставить себя в положение человека, которому задана задача <...>. И я, вероятно, срезался бы, если бы мне предложили конспектировать мою собственную книгу <...>. Но <...> я непрерывно творчески реагирую на книгу и помню хорошо не столько содержание книги, сколько мысли, которые мне пришли в голову по поводу книги. Для меня это очень характерно (курсив мой; к слову сказать, это признание Бердяева объясняет, почему его критика марксизма была так далека от содержания теории Маркса. – А. Л.)» [1, с. 21].

А вот еще одно – крайне важное – признание философа-идеалиста: «У меня малая способность к анализу и к дискурсивному развитию моей мысли. Моя мысль протекала не как отвлечение от конкретного и не подчиняясь законам дискурсии», а всегда была интуитивна и синтетична. Я в частном и конкретном узревал универсальное» [1, с. 84–85].

Именно этой особенностью мыслительного процесса Богданов заинтересовался более всего, а попытка установить диагноз для купирования патологии служила ему скорее поводом для беседы с глазу на глаз. Однако Николай Александрович внимание к сокровенным подробностям своей биографии вперемежку с философскими вопросами приписал стремлению Богданова отнести его, Бердяева, самобытную личность к «категориям», в которые он в принципе не мог «вместиться» [1, с. 95]. Он верил в объективность подобной контраргументации, потому что в своем положении не усматривал особых причин для беспокойства. К симптомам малой хореи, именуемой в медицине тех лет «*виттовой пляской*», он привык с детства и в дальнейшем не придавал большого значения тому, что его «прекрасное лицо» все заметнее и заметнее искажалось «чудовищным тиком» [6, с. 180], к которому позднее добавилось еще и внезапное выпадение языка, смущавшее собеседников, но не Николая Александровича. Что касалось наследственной формы хореи, ведущей к органическому поражению мозга, чреватому ослаблением или даже утратой его функций, то и тут Бердяев был спокоен: если с ним к моменту вологодской ссылки ничего похожего на болезнь брата не случилось, то и волноваться он не считал необходимым.

Это чрезвычайно примечательный факт биографии Николая Александровича, потому что при означенном диагнозе такой исход – случай из категории уникальных: подобные, донельзя редкие примеры ремиссии фиксируются в специализированных журналах в качестве явлений экстраординарных, выходящих за рамки общеизвестного [7]. Что послужило толчком к преодолению неизлечимого недуга у Н. А. Бердяева – волевое или самопроизвольное избавление от цепких лап надвигавшегося с детских лет слабоумия – трудно сказать. Однако сам философ-экзистенциалист имел свое объяснение присущей ему наклонности «к парадоксальному и противоречивому мышлению» [1, с. 95]: оказывается, он, сделав проблему личности и индивидуальности главной темой своей философии, пытался всего лишь «наименее объективировать („т.е. исказить“ – в дефиниции Бердяева) свой субъективный мир» [1, с. 95]. Существенную роль играло и то, что именно в общении с людьми он особенно остро «чувствовал одиночество», ощущая себя «существом, не произошедшим „из мира сего“ и не приспособленным к „миру сему“, <...> всегда приходил как бы из другого мира и уходил в другой мир» [1, с. 40, 41], утешая себя тем, что если кто-то его не понимает, то исключительно «по недостатку философской культуры» [1, с. 92]. А еще потому, что сам Бердяев относил себя к числу тех экзистенциальных философов, у которых «мысль означает тождество личной судьбы и мировой судьбы» [1, с. 96], а это не всем дано не только оценить, но даже представить, что это такое.

Однако поднятое столь высоко стремление объять необъятное в принципе не могло реализоваться обычным способом в рамках рационального мышления из-за парадокса, в основе которого лежала подобная «законченная бесконечность». Этот парадокс философ-экзистенциалист Бердяев обходил феноменальным образом: в своих работах он вообще не прибегал к логическому доказательству с опорой на фактический материал. Привычный для философской науки метод в творческих исканиях Николая Александровича уступил место «страстности» мышления, проникнутого «волевым устремлением» к эмоциональному «приятию или отвержению» рассматриваемой идеи [1, с. 84]. Бердяев был уверен: «Даже гениальные монистические системы заключают в себе что-то наивное <...>. Мир не есть мысль, как думают философы, посвятившие свою жизнь мысли. Мир есть страсть и страстная эмоция. В мире есть диалектика страсти. Охлаждение страсти создает обыденность» [1, с. 84]. Вот почему в процессе осмысления общезначимых для человечества проблем не должно быть места рациональному компоненту мышления – и точка.

Но, как оказалось, не все так просто. Изучением задействованных механизмов мыслительного процесса наука занималась давно, но только ближе к середине XX в. ученые-нейрофизиологи определились с мнением о том, что, хотя эмоциям в развитии личности принадлежит огромная роль (особенно в ходе зарождения симпатий и антипатий, в возникновении таких явлений, как озарение, творческий порыв, легкость обучения и т. п.), тем не менее их роль не только позитивна, но и – по причине избыточной интенсивности – способна «вывести уровень функционирования мозга или отдельных зон за оптимальные пределы. Именно эмоции могут, «замкнув на себя» все богатство отдельных, а иногда и многих, очень многих мозговых зон, создать предпосылки для развития нарушений его функционирования – <...> при этом многогранность функционирования многих зон мозга может уменьшаться, а вместе с ней уменьшаются возможности <...>, казалось бы, бесконечно богатого резервами мозга» [8, с. 23–24]. Особую опасность представляет непрерывное длительное воздействие чрезмерного эмоциогенного фактора в условиях недостаточности защитно-тормозных функций организма. При наличии этих обстоятельств «в мозгу постепенно развивается сдвиг постоянного потенциала. Беднеет спектр функциональных свойств мозговых структур, и увеличиваются территории в мозгу, вовлеченные в обеспечение эмоции <...>. Работать нормально „верховному главнокомандующему“ нашего организма – мозгу – становится все труднее. Эмоции „захватывают“ личность <...>. Человек живет на грани срыва, и порой очень немного нужно для того, чтобы срыв этот развился» [8, с. 24].

Разумеется, об этих исследованиях нейрофизиологов середины XX столетия психиатр Богданов, живший в начале века, объективно не мог знать. Но как профессионал-практик, имевший дело в Кувшиновской лечебнице с теми, чья психика в неблагоприятных условиях ссылки оказалась в критическом состоянии, он не единожды отмечал, насколько сверхактивная интеллектуальная деятельность людей «организаторского труда» «изнуряет мозг и нервы и нередко в несколько месяцев истощает человека на несколько лет» [9, с. 348]. Поэтому стремление Александра Александровича разобраться в причинах бердяевских неадекватных реакций на банальные ситуации понять можно, тем более что философ-идеалист и сам в отношениях со ссыльным окружением ощущал себя, по собственному признанию, как «феодал, сидящий в замке с поднятым мостом и отстреливающийся» [1, с. 40]. Взаимопонимания не получилось. Неудача Богданова найти общий язык с Бердяевым объяснялась еще не открытой в то время нейрофизио-

логами несовместимой онтогенетической активностью мозга двух разных интеллектуалов. Речь идет о преобладании левополушарного (абстрактно-логического) типа мышления или правополушарного (чувственного, художественного) типа мировосприятия.

Бердяев был нацелен на эмоциональное восприятие действительности: такой способ познания мира формировался у него с детства и был обусловлен наследственным заболеванием головного мозга, заблокировавшим активность левополушарного мышления. Преобладание возбуждения над торможением при врожденной патологии нервной системы не могло не повести к таким последствиям, как «отставание в развитии от сверстников, фиксация эмоционального отношения к действительности, наследственный приоритет первой сигнальной системы, стрессовые условия жизни, неадекватно высокий настоящим возможностям уровень притязаний личности» [10, с. 179]. Все эти признаки и симптомы многое могли бы сказать специалисту второй половины XX в. о доминантной составляющей мыслительного процесса философа-идеалиста Н. А. Бердяева, и прежде всего то, что для него было естественной нормой *субъективное восприятие* реальности, для передачи содержания которого он использует обычно язык «аналогии, ассоциации, метафоры, художественного образа, стремится к афористичности и порождает символы – аффективно насыщенные формы смысла» [10, с. 180]. Современный российско-израильский психофизиолог В. С. Ротенберг, автор междисциплинарной концепции поисковой активности, прежде всего отметил бы в качестве основной особенности функционирования мозга Н. А. Бердяева то, что у него «в результате правополушарной стратегии мышления формируется многозначный смысл отражаемой действительности, не поддающийся исчерпывающему объяснению в традиционной системе общения» [Цит. по: 10, с. 180].

Однако кроме этого важного отличительного свойства мышления определяющую роль в мыслительном процессе философа-идеалиста играли отрицательные эмоции, которые вызывались дефицитом его личностных возможностей и зависимостью от жизненных условий. В таком случае происходит не простое мотивирование целевой психической активности: мобилизацией всех резервов мыслительного аппарата в сочетании с концентрацией волевых усилий на объекте обдумывания достигается пробуждение *сверхсознания* как совершенно особого состояния психики. По выводам советского физиолога П. В. Симонова (1926–2002), к проявлениям сверхсознания относятся «первые этапы всякого творчества (догадки, озарения, за-

мысли, гипотезы), сновидения, верования, суеверия, мифотворчество» [Цит. по: 10, с. 180]. Здесь «эмоция работает наподобие сварочного аппарата, соединяя ассоциации прочным швом смыслообразования. Крепость убеждений, образующихся в такого рода вольтовой дуге, поразительна» [10, с. 180]. Философия Н. А. Бердяева как гимн идеальному – божественному – в жизни человечества была порождена именно сверхсознанием. Здесь налицо субъективное восприятие мира «через эмоциональную призму индивидуальных отношений, ценностных ориентаций, мотивов, от которых человек не отказывается, *несмотря на отсутствие практической возможности их реализации* (курсив мой. – А. Л.)» [10, с. 178]. Здесь нет систематизации фактов, нет анализа аргументов в пользу сверхценной идеи. Зато есть, по выражению современного психолога Н. А. Государева, «прогон по замкнутому кругу» эмоций, укоренившихся в психике человека, есть «поиск адекватной формы концентрированного выражения чувств» [10, с. 178, 189]. Но даже сверхсознание, разбуженное рекомбинацией образов мысли на основе ассоциаций, не способно сделать из них «нечто качественно новое, что окажется не эмоцией и не чувством, не мыслью и не ощущением» [10, с. 223].

Однако организовать стихию эмоций в сверхсознание все же можно – но только в *сверхсознание упорядоченное*. На это способна лишь стратегия мышления с опорой на логику знания и смыслообразующее побуждение личности к рациональной деятельности – а это уже работа сознания с левополушарным типом мышления. К слову сказать, здесь, как и в случае субъективного восприятия объективного мира, тоже происходит столкновение механизмов возбуждения и торможения – правда, с существенным отличием: возбуждение при левополушарном типе мышления является *управляемым*, поскольку мозг путем анализа потока информации «умеет» отличить *необходимый сигнал от похожего*. Это совсем иной – рассудочно-аналитический способ формирования в сознании представлений о миропорядке на основе целесообразности. Исследователи павловской научной школы считают, что «анализ – абсолютный слух мышления» [10, с. 208]. На nive анализа вырастает «хозяйское отношение к жизни, высочайший профессионализм, выдающиеся организаторские способности <...>. Аналитики – люди дела, каждое слово которых веско <...>. Говорят они мало, делают много <...>. Это порода пионеров» [10, с. 219–220]. Их отличает самостоятельность в принятии решений, поэтому для них важна полная информированность. В связи с этим «чувственная компонента опыта» не играет большой роли в мыслительном процессе: для аналитика важен «бестеле-

сний факт», потому что только абстрагированием от конкретного, от подробностей, перегружающих оперативную память, возможно достижение теоретического обобщения – высшей цели аналитического ума. При этом эффективный анализ может опираться только на большой багаж знаний, так как обобщающая абстракция малодоступна дилетанту, который к тому же в кругу эрудитов быстро обнаружит недостаточность научной подготовки. Зато обладатель энциклопедически объемных разносторонних знаний, как правило, достигает выдающихся успехов. Аналитическая стратегия мышления с опорой на логику энциклопедической образованности и проверку выводов практикой, которая есть критерий истины, – это восхождение мыслительного процесса к *упорядоченному самосознанию*, открывающему вход в новые сферы, в «непознанные области» науки.

Таким образом, активность правополушарной или левополушарной доминанты мышления играет определяющую роль в функциональной межполушарной асимметрии мозга. При этом нейрофизиология середины XX в. наверняка отнесла бы к числу обладателей феномена сверхсознания как Н. А. Бердяева, так и А. А. Богданова. Разница была лишь в направлении активностей сверхсознаний: *Бердяев* ориентировался на самосовершенствование отдельной личности путем творческого переосмысления субъективного восприятия мира и идеализации сверхценных нравственных истин, дающих человечеству преобразовательную силу; *Богданов* был тоже за творческий поиск механизмов самосовершенствования личности – но личности, интегрированной в жизнь коллектива, взаимодействие в котором организовано на основе универсальных законов и поддерживается благодаря обучению его членов методологии анализа причинно-следственных связей внутри социальных процессов, требующих объединения действий для реализации эффективных преобразований в обществе.

Необходимо отметить, что современный российский исследователь-палеоневролог С. В. Савельев, изучающий фундаментальные особенности строения мозга гениев, природу нестандартности их мышления и поведения, в монографии «Изменчивость и гениальность» (2012) проанализировал цитоархитектонические структуры мозга разных исторических личностей. В интервью газете «Московский комсомолец» на вопрос «Вы изучали мозги вождей и культурных деятелей прошлого. Чей считаете самым выдающимся?» С. В. Савельев, не раздумывая, ответил: «Мозг Малиновского (Богданова). Очень много увеличенных зон» [11]. А в книге «Изменчивость и гениальность» предложил следующее объяснение своего вывода: «Головной мозг А. А. Богданова с точки зрения пред-

ставительства цитоархитектонических структур был организован очень гармонично. Его мозг обладал полным набором подполей нижней теменной области как в правом, так и в левом полушарии. Более того, в количественном отношении вся теменная область мозга А. А. Богданова была развита очень хорошо. Это означает, что для мозга массой 1440 г количественные показатели измерений неокортекса на 25–40 % превышают средние величины. Аналогичная ситуация с размерами лобной области головного мозга А. А. Богданова. Многие поля близки по площади поверхности к верхней границе нормы, а их относительные величины намного превосходят группу сравнения. Заслуживает внимания и комплекс полей 44 и 45 в речевой зоне Брока левого полушария мозга. Эти центры у А. А. Богданова были прекрасно развиты, что подтверждается его ораторскими и литературными способностями. Не менее существенно выявленное пропорциональное развитие полей височной области А. А. Богданова. Размеры полей и подполей этой зоны мозга показывают, что он обладал развитой цепкой памятью и способностями к комбинаторике. Следовательно, головной мозг А. А. Богданова с обширными полями и речевыми центрами лобной области, ассоциативными зонами теменной области и совершенным контролем за гормонально-инстинктивными формами поведения был идеально приспособлен к интеллектуальной деятельности. Свои выдающиеся способности А. А. Богданов реализовал в весьма сложное время, когда даже большой талант требовал изощренного воплощения в реальный мир» [12, с. 104–105]. По мысли профессора С. В. Савельева, цитоархитектоника мозга экономиста, философа и политического деятеля А. А. Богданова может служить примером одаренного человека: он «в первую очередь интересен нам как творческая личность, тяготеющая к созидательной деятельности. Всю жизнь А. А. Богданов искал совершенно новые и тщательно продуманные решения в самых различных областях деятельности. Однако А. А. Богданов не только пытался и пробовал, но и достигал искомым решений. Он был успешен как в теоретических направлениях <...>, так и в сугубо практических проектах (экономика, создание Института переливания крови). Как экономист А. А. Богданов нашел социалистическое решение развития экономики, которое широко использовал В. И. Ленин. В условиях диктатуры экономические механизмы, предложенные А. А. Богдановым, не работали, а здравые идеи трансформировались в извращенный советский госкапитализм» [12, с. 103–104].

Научная биография А. А. Богданова обширна и уникальна по содержанию. Но она многие десятилетия оставалась покрытой мраком забвения вследствие идеологического запрета на ознакомление с

творческим наследием ученого – одного из наиболее популярных на рубеже XIX и XX вв. Изъятые из спецхрана труды Богданова поражали разнообразием тематики, многосторонностью поистине энциклопедических знаний и широтой кругозора исследователя.

После окончания с золотой медалью тульской гимназии он успешно обучался на физико-математическом факультете Московского университета, где сохранились его «изыскания в области высшей математики», а в его записных книжках найдены пометки, свидетельствующие о том, что он «постоянно следил за новостями в области естественных наук и анализировал их» [13, с. 108]. Богданов получил диплом врача в Харьковском медицинском институте, и его перу принадлежит ряд работ по медицине и геронтологии. На протяжении всей своей врачебной практики он скрупулезно изучал проблемы изношенности человеческого организма и преждевременного старения людей вследствие хронической усталости, а также разрабатывал новую научную парадигму, отказываясь «от абсолютности одного из основных принципов генетики – ненаследуемости приобретенных признаков»: в России, где туберкулез был бичом времени, он искал пути повышения сопротивляемости, считая возможной «передачу наследуемого иммунитета к опасным заболеваниям с переливаемой кровью» [13, с. 108]. По его мнению, обмен крови между двумя людьми позволял передать от одного другому массу условий повышения жизнеспособности. Поэтому на протяжении всей врачебной практики Богданов тщательно подбирал исследовательский материал, но распорядился результатами наблюдений лишь в последние годы своей жизни после создания главного труда – «Тектологии» и открытия Института переливания крови (на тот момент – первого в мире).

«Областью постоянного интереса Богданова была психология (одна из его университетских специальностей). Первые его работы в этой области относятся к началу XX в., а последние – к последним годам жизни. Об их востребованности и сегодня свидетельствует переиздание в 1999 г. Московским психолого-социальным институтом его работ для использования их в качестве пособий в университетской подготовке психологов по курсам „Философия“, „Общая психология“, „История психологии“, „Социальная психология“ и др.» [13, с. 107].

Особых успехов Богданов достиг, занимаясь проблемами философии. «Уже в 25 лет Богданов создает свою первую философскую работу – „Основные элементы исторического взгляда на природу. Природа. Жизнь. Психика. Общество“, которую Д. Уайт и А. Л. Тахтаджян рассматривают как серьезный шаг на пути к „Тектологии“. В 1906 г. за-

вершается издание его центральной работы – „Эмпириомонизм. Статьи по философии“, содержащей оригинальную концепцию „организационной философии“ (определение Богданова), а в 1908 г. выходит уже *третье* издание ее первого выпуска. Богданов к этому времени – признанный специалист по новейшей философии естествознания <...>. Последней его крупной работой в этой области стала „Философия живого опыта“, выдержавшая за 1913 – 1923 гг. *четыре* издания» [13, с. 107].

Но все рекорды по числу переизданий бьют его труды по экономике. Двадцатичетырехлетним никому не известным молодым человеком он ворвался в научный мир, опубликовав в 1897 г. свой великолепный «Краткий курс экономической науки», переиздававшийся затем только в дореволюционное время *семь* раз. А в 1904 г. в работе «Обмен и техника» «он выдвигает ряд положений своей концепции „подвижного равновесия“ экономики <...>. Он – автор и популярных учебников по экономике, каждый из которых выдержал более 10 изданий, и капитального „Курса политической экономии“ (совместно с И. И. Скворцовым-Степановым). <...> Следует отметить, что, по некоторым современным оценкам, А. А. Богданов „разработал наиболее полную теорию динамического экономического равновесия, лежащую в основе современных представлений об оптимальном перспективном планировании“, и внес заметный вклад в принципы построения межотраслевого баланса» [13, с. 107].

Венцом творческого наследия Богданова является главный труд его жизни – «Всеобщая организационная наука (тектология)», в которой автор предложил вниманию читателей «общее учение о формах и законах организации всяких элементов природы, практики и мышления» [14]. Однако верные ленинцы «Тектологию» называли «тарабарщиной» «нашего горе-философа» [15, с. 16, 15] и спровадили ее вместе с остальными богдановскими работами в спецхран.

После возвращения наследия А. А. Богданова в университетские библиотеки академик А. Л. Тахтаджян обнаружил на страницах «Тектологии» «всеобъемлющую науку об универсальных закономерностях строения и развития систем», призванную стать «общенаучной парадигмой» [Цит. по: 13, с. 106]. Вскоре как-то само собой получилось, что А. А. Богданов был назван родоначальником системного анализа, а в 1990-е гг. «Тектология» оказалась на некоторое время в центре внимания даже международных конференций. В 1995 г. в Университете Восточной Англии (Норидж) российскую делегацию возглавлял директор Института экономики РАН академик Л. И. Абалкин, впервые отметивший в своем выступлении перед сообществом ученых мира то, что современники Богда-

нова «не сумели, да и вряд ли могли по достоинству оценить значимость тектологии для формирования новой научной парадигмы <...>. Качественно новым в тектологии явился переход от метода аналогий, широко и плодотворно использовавшихся в науке, к выявлению общих закономерностей становления и функционирования систем» [16, с. 87].

В своей главной работе А. А. Богданов и вправду предложил уникальный и чрезвычайно перспективный в познавательном и исследовательском смысле способ тектологического анализа теоретических и практических форм развития жизни, позже получивший почему-то обезличенное название метода междисциплинарного подхода к научному поиску. Между тем все открытия создателя тектологического метода действительно совершались на стыке наук. И это доказывает: именно Богданов здесь оказался первопроходцем, опередив время на несколько десятилетий, и именно его метод, разработанный в начале XX в., получил применение в научной и образовательной практике только к концу II тысячелетия. Однако как и прежде имя создателя принципиально новой методологии научного прогнозирования остается малоизвестным академической и университетской общественности, не связывающей метод междисциплинарного подхода с именем автора всеобщей организационной науки тектологии. Поэтому в возникших обстоятельствах даже справедливо высокая оценка наследия Богданова, данная академиком Н. Н. Моисеевым, мало утешает: «Вся системная проблематика, поднятая Л. фон Бергаланфи и его последователями, практически полностью укладывается в теорию организации А. А. Богданова, но не наоборот. Поэтому-то мне и кажется, что „общая теория систем“ – это известный шаг назад по сравнению с „Тектологией“ А. А. Богданова. И успех работ Бергаланфи, относящийся к 50-м годам, во многом объясняется тем, что сочинение А. А. Богданова к этому времени было основательно забыто. Оно появилось слишком рано, когда интерес к подобным проблемам не был подкреплен общественными потребностями» [Цит. по: 16, с. 87].

Но когда общественные потребности возникли и метод Богданова получил использование, то почему же имя автора этой новой исследовательской методологии оказалось по умолчанию забыто во второй раз?

Совсем иная судьба у идей Н. А. Бердяева. О том, что в основу воззрений этого философа положено взаимоотношение реального и идеального, которое способно служить нравственно-ценностным ориентиром для людей, написано немало статей, монографий, диссертаций. Каждый студент, изучавший философию, знает, что, по представлениям Николая Александровича, только оценка

жизненных явлений с высоты идеала позволяет понять сущность прекрасного – ту основу гармонического развития личности, которая способствует возникновению и проявлению всех лучших человеческих сил и способностей: «возвышенное» – это не то, что *возвышается*, а то, что *возвышает*.

Но как решить, какой подход к решению задач прогрессивного развития общественного мировоззрения лучше и важнее для человека – рациональный или интуитивный? И могло ли возникнуть взаимопонимание у людей, занятых общим делом, но чье мышление объективно строилось из *разных* элементов, как это имело место в случае с Н. А. Бердяевым и А. А. Богдановым? Что это далеко не праздные вопросы, показывал жизненный опыт: эмоциональная стратегия мышления философа-идеалиста оказалась принципиально несовместимой с рационально-логической стратегией мыслительного процесса энциклопедиста-аналитика. Поэтому взаимное непонимание не могло не стать их естественным состоянием: познание личности, «чувствующей» информацию без проникновения в ее смысловое содержание, воспринималось человеком «думающим» как отклонение онтогенетической активности ума от нормы – и наоборот. Недаром Богданов настойчиво интересовался, как далеко «зашло» это отклонение от нормы у Николая Александровича, который, в свою очередь, тоже был уверен, что его визави – «тихий и незлобивый помешанный» [1, с. 118–119].

Бердяев даже не пытался докапываться до причин несовместимости: он безоговорочно доверял своему чутью. «Доверяй, но проверяй» – это не про Николая Александровича, потому что механизм его познания мира устроен иначе: «Для меня, в сущности, не существует отдельных вопросов в философском познании. Есть лишь один вопрос и одна сфера познания. Во всем детальном, частном, отдельном я вижу целое, весь смысл мироздания. За разговором или спором по какому-нибудь вопросу я склонен видеть решение судеб вселенной и моей собственной судьбы <...>. Иногда огромное значение для моего процесса познания имел незначительный, казалось бы, разговор, фильм <...> или чтение романа. <...> Извне я получал лишь пробуждавшие меня толчки, но все раскрывалось внутри бесконечности во мне <...>. Помимо всякой философской теории, всякой гносеологии, я всегда сознавал, что познаю не одним интеллектом, не разумом, подчиненным собственному закону, а совокупностью духовных сил, также своей волей к торжеству смысла, своей напряженной эмоциональностью <...>. Источник философского познания – целостная жизнь духа, духовный опыт. Все остальное лишь второстепенное подспорье <...>. К анализу я не прибегал почти никогда, я пользовался

лишь методом характеристики. Я всегда хотел уловить характер, индивидуальность предмета мысли <...>. Я верил в существование истины и смысла, независимых от мировой и социальной среды <...>. Я всегда хотел, чтобы философия была не о *чем-то*, а *чем-то*, обнаружением первоначальности самого субъекта» [1, с. 85, 86, 87]. Эти мысли Н. А. Бердяева прямо или опосредованно находили место в его работах, изучение которых приводило к мысли об уникальной способности философа-идеалиста «узреть» в частном и конкретном «универсальное», минуя такую необходимую ступень познавательного процесса, как анализ.

К сожалению, мозг Н. А. Бердяева оказался недоступен для научного исследования: талантливый философ-экзистенциалист был похоронен в 1948 г. во Франции, где не существовало научных организаций, подобных Всесоюзному институту мозга, на основе коллекции препаратов которого во многом строил свои исследования профессор С. В. Савельев.

Подводя итог, необходимо отметить тот факт, что А. А. Богданов еще в начале XX в. пытался понять суть парадоксальных особенностей человеческого мышления. Дело в том, что ученые даже столетие спустя так и не решили до конца проблему,

озадачившую Богданова во время вологодской ссылки, а вопросы, взволновавшие Александра Александровича, остаются неразгаданной тайной и для современных исследователей психологии интеллекта: «Почему все годами наблюдают одно и то же явление, но только один, наконец, изумляется и делает великое открытие? Почему ребенок демонстрирует явное отставание в интеллектуальном развитии, а спустя год попадает в категорию индивидуально одаренных? Таких „почему“ великое множество, и все они имеют прямое отношение к тем процессам <...>, которые лежат в основе интеллектуального роста личности» [17, с. 353].

То, что «человек разумен в той мере, в какой он интеллектуален» [17, с. 353], не раз говорил и Богданов, доказывая в течение всей своей творческой жизни то, что возрастание и прогрессирующее усложнение умственного опыта малообразованных народных масс явится залогом развития как понятийных структур сознания человека, так и основных компонентов его метакогнитивной осведомленности, т. е. той формы индивидуального опыта, который расширит умственный кругозор и позволит личности выводить свои размышления в пространство идей, альтернативных привычным стереотипам.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Междунар. отношения, 1990. 336 с.
2. Карлов В. А. Хорья // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1978. Т. 28. 370 с.
3. Ремизов А. М. Иверень. Загогулины моей памяти // Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. М.: Русская книга, 2000. С. 265–527.
4. Ермолаев И. Мои воспоминания // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: <http://www.booksite.ru/recollection/19.htm>. (дата обращения: 18.09.2015 г.).
5. Кохно И. П. Вологодская ссылка Луначарского // Наследие А. В. Луначарского. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/neizdannye-materialy/vologodskaa-ssylka-lunacharskogo>. (дата обращения: 18.09.2015 г.).
6. Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 5–414.
7. Пишут, что... // Химия и жизнь. М., 1988. № 12. 95 с.
8. Бехтерева Н. П. Всем, всем, всем! Глазами физиолога – опасности сегодняшние и завтрашние // Наука и жизнь. 1987. № 10. С. 22–25.
9. Богданов А. А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 479 с.
10. Государев Н. А. Треугольный человек. М.: Молодая гвардия, 1991. 270 с.
11. Веденева Н. Неестественный отбор (интервью с проф. С. В. Савельевым) // Московский комсомолец. РРЕ. 2–9 мая 2012. С. 17.
12. Савельев С. В. Изменчивость и гениальность. М.: ВЕДИ, 2012. 128 с.
13. Клебанер В. С. Александр Богданов и его наследие // Вопросы философии. М., 2003. № 1. С. 105–110.
14. Богданов (Малиновский) Александр Александрович (автобиография) // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь «Гранат». Репринт. изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 363.
15. Гловели Г. Д., Пустильник С. И. Сотри случайные черты... // Химия и жизнь. 1990. № 12. С. 11–19.
16. Любутин К. Н. Российские версии философии марксизма: Александр Богданов // Вопросы философии. 2003. № 9. С. 76–91.
17. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. Томск: Изд-во ТГУ; М.: Барс, 1997. 392 с.

Луценко А. В., кандидат исторических наук, доцент.

Северский технологический институт Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ».

Пр. Коммунистический, 65, Северск, Томская обл., Россия, 636000.

E-mail: fantom9@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 26.01.2015.

A. V. Lutsenko

ATTITUDE FEATURES OF A. A. BOGDANOV AND N. A. BERDYAEV WITH REFERENCE TO FORMATION OF SCIENTIFIC THINKING

The article characterizes psychological and neurologic aspects of formation of philosophical outlook belonging to such different philosophers as systematic-materialist A. A. Bogdanov and mystic-existentialist N. A. Berdyaev. Marks the presence of steady interrelation between structure and functioning of the brain, on the one hand, and the features of attitude defining the character of philosophical and scientific thinking, on the other hand. Estimates the reasons and character of incompatibility between “left-hemispherical” rational-logic and “right-hemispherical” emotionally-shaped types of thinking. The special attention is given to the problem of the superconsciousness providing creative statement and scientific and philosophical problem solving.

Key words: *rationalism, irrationalism, psychology, physiology of the brain, consciousness structure.*

References

1. Berdyaev N. A. *Samopoznaniye. Opyt filosofskoy avtobiografii* [Self-knowledge. Experience of the philosophical autobiography]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1990. 336 p. (in Russian).
2. Karlov V. A. Khoreya [Trochee]. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Moscow, Sov. Entsiklopediya Publ., 1978. Vol. 28. P. 370 (in Russian).
3. Remizov A. M. Iveren'. Zagoguliny moey pamyati [Splinters. Flourishes of my memory]. *Sobraniye sochineniy. Podstrizhennymi glazami. Iveren'* [Cut eyes. Splinters]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2000. Vol. 8. Pp. 265–527 (in Russian).
4. Ermolaev I. Moi vospominaniya [My memories]. *Vologodskaya oblastnaya universal'naya nauchnaya biblioteka* [Vologda Regional Universal Scientific Library]. URL: <http://www.booksite.ru/recollection/19.htm>. (in Russian).
5. Kokhno I. P. Vologodskaya ssylka Lunacharskogo [Exile of Lunacharsky in Vologda]. *Naslediye A. V. Lunacharskogo* [Heritage of A. V. Lunacharsky] URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/neizdannye-materialy/vologodskaa-ssylka-lunacharskogo> (in Russian).
6. Gessen I. V. V dvukh vekakh. Zhiznenny otchet [In two centuries. The life report]. *Arkhiv russkoy revolyutsii* [Archives of the Russian Revolution]. Berlin, 1937, vol. 22. Pp. 5–414 (in Russian).
7. Pishut, chto... [They are writing that...]. *Khimiya i zhizn – Chemistry and Life*, 1988, no. 12, p. 95 (in Russian).
8. Bekhtereva N. P. Vsem, vsem, vsem! Glazami fiziologa – opasnosti segodnyashniye i zavtrashniye [Attention! Dangers of today and tomorrow in physiologist's opinion]. *Nauka i zhizn' – Science and Life*, 1987, no. 10, pp. 22–25 (in Russian).
9. Bogdanov A. A. *Voprosy sotsializma. Raboty raznykh let* [Problems of socialism. Works of different years]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 479 p. (in Russian).
10. Gosudarev N. A. *Treugol'nyy chelovek* [Triangle human]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1991. 270 p. (in Russian).
11. Vedeneeva N. Neestestvennyy otbor (interv'y u s prof. S. V. Savel'evym) [Non-natural selection (interview with Prof. S. V. Saveliev)]. *Moskovsky komsomolets – Moscow's comsomolets. RRE. 2–9 May 2012*, p. 17 (in Russian).
12. Savel'ev S. V. *Izmenchivost' i genial'nost'* [Variability and genius]. Moscow, VEDI Publ., 2012. 128 p. (in Russian).
13. Klebaner V. S. Aleksandr Bogdanov i ego naslediye [Alexander Bogdanov and his heritage]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*, 2003, no. 1, pp. 105–110 (in Russian).
14. Bogdanov (Malinovskiy) Aleksandr Aleksandrovich (avtobiografiya) [Self-biography of Alexander Bogdanov (Malinovskiy)]. *Deyateli SSSR i revolyutsionnogo dvizheniya Rossii. Entsiklopedicheskiy slovar' "Granat"*. Reprint. izd. [Figures of the USSR and revolutionary movement of Russia. Granat Encyclopedic Dictionary. Reprint. ed.]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1989. P. 363. (in Russian).
15. Gloveli G. D., Pustil'nik S. I. Sotri sluchaynye cherty... [Erase casual lines...]. *Khimiya i zhizn' – Chemistry and Life*, 1990, no. 12, pp. 11–19 (in Russian).
16. Lyubutin K. N. Rossiyskiye versii filosofii marksizma: Aleksandr Bogdanov [Russian versions of Marxist philosophy: Alexander Bogdanov]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*, 2003, no. 9, pp. 76–91 (in Russian).
17. Kholodnaya M. A. *Psikhologiya intellekta: paradoksy issledovaniya* [Psychology of intellect: paradoxes of research]. Tomsk, Izd-vo TGU; Moscow, Bars Publ., 1997. 392 p. (in Russian).

Lutsenko A. V.

Seversk Technological Institute – branch of National Research Nuclear University “MEPhI”.

Prosp. Communisticheskyy, 65, Seversk, Tomsk Region, Russia, 636036.

E-mail: fantom9@rambler.ru